

Сяо Шэнь внезапно открыл глаза, страх в его темных зрачках еще не полностью рассеялся.

Он тяжело дышал, и оставшиеся образы в его сознании напоминали ему, насколько абсурдной была последняя сцена его сна.

Тот человек, который так жестоко обошелся с его учителем во сне, на самом деле был очень похож на него самого-

Нет, если быть точным, это лицо больше похоже на взрослого него.

Он внезапно сел, огляделся и его взгляд упал на спящего на диване человека. Его веки внезапно отяжелели.

Его учитель не стал будить его, но и не пожелал спать с ним в одной постели.

Сяо Шэнь встал с кровати, прошелся босиком по полу и бесшумно подошел к дивану.

Лицо его спящего учителя было таким же умиротворенным, красивым и беззащитным, как всегда. Его длинные густые ресницы, похожие на маленькие кисточки, мягко отбрасывали две тени на веки. Под его тонким вздернутым носом были красивой формы губы, которые от природы были красными, пухлыми и округлыми. Он даже помнил их мягкое и гладкое прикосновение.

Три тысячи прядей черных волос ниспадали, и он не мог не вспомнить сон, в котором длинные волосы его учителя были оттянуты назад...

Он не смог удержаться, опустился на одно колено и придвинулся ближе, обдавая горячим дыханием лицо своего учителя, а глазами тщательно описывая это великолепное лицо с близкого расстояния.

Как мог быть кто-то настолько красив? Казалось, что он вырос прямо рядом с его сердцем. От одного взгляда на него его наполняла любовь, которая вот-вот должна была переполнить его.

— Хм... — словно почувствовав жар, исходящий от его лица, спящий учитель замурлыкал, как котенок, и нетерпеливо махнул рукой.

Сяо Шэнь тут же откинулся назад, едва избежав его руки, но его глаза ни на мгновение не отрывались от его лица.

Именно это лицо было таким прекрасным в его снах, что заставляло трепетать его сердце, а под белоснежным шелком нижнего одеяния скрывался прекрасный пейзаж, которого он никогда раньше не видел...

Сцены из сна сменяли друг друга, и Сяо Шэнь неудержимо тряс головой.

Может быть, ему снилось то, о чем он думал днем? Он каждый день встречался лицом к лицу со своим учителем, и в глубине его сердца таились грязные мысли, поэтому по ночам ему снились такие яркие сны, и он даже притворялся кем-то другим в своих снах и делал со своим учителем все, что хотел?

Но способы, которыми этот человек во сне мучил его учителя, были бесконечны. Как он мог их себе представить? Даже детали были такими четкими и реальными?

Когда он напряженно думал, то внезапно почувствовал острую боль в голове. Сяо Шэнь закрыл глаза, пытаясь унять боль.

Единственное, в чем можно быть уверенным, так это в том, что мужчина во сне - будущий император. Если этот сон действительно является определенным предзнаменованием, то кем еще может быть этот человек, если не им самим?

Да, пока он стоит на вершине власти, никто в этом мире не сможет отнять у него его учителя.

Человеком, который в конце концов взойдет на трон дракона, может быть только он!

Безжалостный свет внезапно вырвался из его глаз феникса, но бесследно исчез в тот момент, когда упал на спящего человека.

Его взгляд снова стал мягким. Сяо Шэнь осторожно взял фарфорово-белую руку и поднес ее к своим губам, его тонкие губы интимно коснулись слегка прохладной тыльной стороны ладони.

— Я принадлежу Учителю, и Учитель также принадлежит мне. — Он пристально посмотрел на своего учителя глубокими глазами. — Учитель может быть только моим...

— Хмм? — В полусонном состоянии Шэнь Цинчжо слегка приподнял ресницы и позвал неясным голосом, — Сяо Ци...

— Я здесь, Учитель. — Сяо Шэнь нежно провел тыльной стороной ладони по губам, словно боясь потревожить спящего красавца, и тихо ответил, — Спите, я здесь.

— Хорошо... сплю... — Шэнь Цинчжо успокоился, бессознательно отдернул руку, перевернулся на другой бок и снова заснул.

Его ладонь внезапно опустела, и Сяо Шэнь медленно сцепил пять пальцев, словно пытаясь впитать оставшееся тепло.

— Я не буду так груб с Учителем, — он сказал себе. — До тех пор, пока Учитель не оставит меня...

Он не мог вынести такого грубого обращения со своим учителем.

На следующее утро небо слегка посветлело.

Прежде чем Шэнь Цинчжо открыл глаза, он почувствовал прикосновение мохнатой головы к своей шее.

Горячее дыхание обдало его за ушами, вызвав дрожь в позвоночнике. Он не удержался и поднял руку, чтобы оттолкнуть голову, но почувствовал, как тяжелая рука давит ему на грудь.

Когда он повернул голову, то обнаружил, что его маленький ученик, похожий на коалу, крепко спит, обхватив его длинными и сильными конечностями.

Шэнь Цинчжо на мгновение задумался. Очевидно, прошлой ночью он спал на диване, так как же получилось, что он снова оказался на кровати, как только открыл глаза утром? Могло ли быть так, что ночью он был в полудреме и снова забрался на кровать?

Не может быть, чтобы его маленький ученик сам отнес его в кровать, верно? Он тяжелый, и если бы он захотел перенести его, не разбудив, то при нынешнем телосложении своего маленького ученика он должен был быть в состоянии...

В это время до его ушей донесся тихий и неясный шепот. Юноша крепче обнял его и снова уткнулся лицом ему в шею.

— Аи... — Шэнь Цинчжо почувствовал щекотку и повернул голову в другую сторону, но не стал сразу будить своего маленького ученика. Вместо этого он осторожно взял руку у себя на груди и медленно убрал ее.

Он нервно уставился на двигающееся предплечье, и как раз в тот момент, когда он был готов закончить, сильная рука опустилась, а затем вернулась в прошлое положение.

— ...

Он снова попытался осторожно подвинуть руку, не сдаваясь, но потерпел неудачу всего в одном шаге от цели. Рука, казалось, приросла к его телу, и он не мог ее оторвать, несмотря ни на что.

Шэнь Цинчжо разозлился и с громким “па” отвесил своему маленькому ученику пощечину.

— А? — Сяо Шэнь внезапно проснулся, непонимающе заморгал ресницами и, казалось, был совсем не в плохом настроении. Он подошел и дружелюбно потерся о него. — Учитель... в чем дело?

— Ничего страшного. Еще рано. Тебе следует продолжать спать.

Шэнь Цинчжо руками и ногами оттолкнул своего маленького ученика, который цеплялся за него, и встал с кровати.

Сяо Шэнь был послушно оттолкнут в сторону Учителем. Он был в очень хорошем настроении и с улыбкой спросил.

— Учитель хорошо спал прошлой ночью?

Шэнь Цинчжо сделал паузу.

— Я как раз собирался спросить тебя, я явно спал на диване, прежде чем отправиться спать, ты перенес меня на кровать?

— Нет! — Сяо Шэнь невинно пожал плечами. — Я очень крепко спал прошлой ночью. Я даже ни разу не проснулся.

Шэнь Цинчжо слегка нахмурился, подумав, что это действительно странно, может быть, он ходил во сне?

— Какие планы у Учителя на сегодня? — Сяо Шэнь приподнялся на локте, его влажные глаза следили за движениями его учителя.

— Сначала отправлюсь на утренний суд. — Шэнь Цинчжо взял черную марлеву шапочку и ярко-красное одеяние Фэйюй и сказал, — Затем продолжу расследовать дело.

С тех пор как Император Гуанси заболел, утренний суд был изменен с одного раза в два дня на два раза в месяц, и время суда также было изменено с раннего утра на час дракона. Министрам больше не нужно было посреди ночи отправляться во дворец, чтобы присутствовать при дворе.

Во время утреннего судебного заседания чиновники выше четвертого ранга входили в зал Высшей гармонии, чтобы обсудить государственные дела с императором и другими важными министрами. Чиновники четвертого ранга и ниже выстраивались перед залом, и им не разрешалось входить в зал без приглашения императора.

Когда прибыл Господин Шэнь, большинство чиновников, присутствовавших при дворе, уже

прибыли. Они были разделены на две группы в соответствии с их гражданскими и военными званиями. Они не осмеливались шептаться или разговаривать друг с другом и могли только подавать друг другу знаки глазами.

Шэнь Цинчжо положил одну руку на меч Сюйчунь, принял правильное положение и замер.

В это время Его Высочество Наследный Принц, сидевший впереди слева, что-то почувствовал и повернулся, чтобы посмотреть на него.

Если бы взгляды могли убивать, Господин Шэнь уже был бы разорван на куски взглядом Наследного Принца. Однако он, казалось, не замечал этого и даже слегка улыбнулся Наследному Принцу.

Как только наступил час дракона, ворота дворца широко распахнулись, и все гражданские и военные чиновники один за другим вошли внутрь.

Учитывая ранг Шэнь Цинчжо, он должен был стоять в заднем ряду группы, но он был командиром Цзиньивэй и Бэйчжэнь Фуши и обладал особым статусом. Войдя в зал, он подошел к левому краю драконьего трона и встал напротив Цзоу Пэна, еще одного командира Цзиньивэй.

Когда Шэнь Цинчжо вступил в Цзиньивэй, бывший командир был осужден и заключен в тюрьму, а должность командира Цзиньивэй стала свободной. Это был только вопрос времени, когда Цзоу Пэн станет главнокомандующим, но кто знал, что Господин Шэнь появится на полпути, возьмет под свой контроль Бэйчжэнь Фуши и быстро поднимется до должности главнокомандующего наравне с Цзоу Пэном?

К счастью, Господин Цзоу не был предвзят и не стал прибегать к каким-либо уловкам. В конце концов, они оба работали на императора. Один из них отвечал за охрану, выставлял церемониальную охрану и сопровождал его во время походов, в то время как другой отвечал за тюрьму, осуществляя надзор за чиновниками, патрулирование и аресты. По крайней мере, на первый взгляд, они не мешают друг другу.

Через некоторое время Император Гуанси взошел на трон дракона, а Евнух Су прислуживал ему.

Все гражданские и военные чиновники преклонили колени и трижды поклонились, а Император Гуанси медленно произнес:

— Все министры, встаньте.

Вообще говоря, чиновники, которые отчитывались перед Императором во время утреннего заседания суда, уже заранее подготовили, какие мемориалы представить или что сказать, и

даже чиновники государственной службы из других стран. Одна и та же партия и фракция уже общались друг с другом.

Император Гуанси восседал высоко на троне дракона, слушая речи министров, выражение его лица было глубоким и непредсказуемым, а эмоции трудно было различить.

— Ваше Величество, у этого министра есть меморандум.

Цао Жэнь, Заместитель Министра Кабинета министров, выступил вперед и поклонился.

Император Гуанси взглянул на него и сказал:

— Господин Цао, говори.

Цао Жэнь сурово произнес:

— Согласно старым правилам этой династии, принцы могут получать титулы и владения по достижении восемнадцатилетнего возраста. Теперь, когда несколько принцев уже достигли этого возраста, они живут в глубоком дворце и не разъезжаются по своим владениям. Это не соответствует этикету Дайон.

Прежде чем представить свои меморандумы, эти государственные чиновники привыкли использовать лозунги “старых правил” и “ритуалов” в поддержку своих требований.

Услышав это, выражение лица Третьего Принца мгновенно изменилось, а чиновники государственной службы в первом ряду украдкой переглянулись.

Император Гуанси тоже нахмурился, но ничего не сказал.

— Ваше Величество, как минимум поддержите это предложение. — В это время Министр Министерства ритуалов, Фань Чжэ, вышел вперед и поклонился, сказав, — Его Высочеству Третьему Принцу уже больше двадцати лет, но он все еще живет в одном дворце с Супругой Сянь. Этот министр лично считает, что это неуместно.

— У этого министра другое мнение, — Император Гуанси собирался что-то сказать, но Министр Министерства кадров Янь Сици выступил вперед и возразил. — Этикет наших предков отличается гибкостью. Когда наши предки установили правила передачи власти принцам, это было связано с тем, что династия Дайон только что утвердилась, а ситуация в различных местах была нестабильной, и короли были срочно необходимы для охраны вотчин. Теперь, когда династия Дайон живет в мире и процветании, а окружающие ее зарубежные государства каждый год платят дань, почему мы должны спешить с отправкой принцев в свои владения?

— Могу ли я спросить, Господин Янь, почему Вы остаетесь во дворце, несмотря на то, что достигли пенсионного возраста? — Цао Жэнь усмехнулся. — У этикета и законов предков есть свои причины. У тех, кто их не соблюдает, вероятно, есть скрытые мотивы!

Как только были произнесены эти слова и надета шляпа*, Сяо Хунъяо больше не мог этого выносить. Он вышел из строя, опустил на колени и низко поклонился, горячо выражая свою преданность:

*“Надеть шляпу” - навесить на кого-то ярлык (обычно политический); заклеить кого-то нежелательным негативным ярлыком; навесить необоснованный, неблагоприятный ярлык.

— Эрчэн просто хотел еще немного послужить Отцу-Императору. У Эрчэна нет никаких задних мыслей. Пожалуйста, судите сами, Отец-Император!

Четвертый Принц глуп, а другие принцы еще не участвовали в государственных делах. Сейчас он единственный принц, стоящий в зале Высшей гармонии. Слова Цао Жэня были похожи на то, как если бы он тыкал в его нос и ругал его.

Сяо Ичэнь последовал за ним и лицемерно взмолился:

— Отец-Император, Эрчэн тоже верит, что у брата Третьего Принца нет скрытых мотивов.

Лицо Императора Гуанси было мрачным и неуверенным. Он внезапно указал на главного секретаря внутреннего кабинета Се Гуцяня и сказал:

— Се Гэлао*, что ты об этом думаешь?

*“Гэлао” - старейшина кабинета(правительства).

Се Гуцяню было за шестьдесят, на висках у него были седые волосы. Услышав это, он поклонился и сказал:

— Ваше Величество, этот старый министр считает, что в словах Господина есть смысл.

Шэнь Цинчжо слегка наклонил голову и посмотрел на Се Гэлао, который стоял в центре зала.

Этот гэлао из внутреннего кабинета был ветераном трех царствований династии Дайон. Он был ученым из бедной семьи. Он вошел в состав внутреннего кабинета во время правления предыдущего императора. Во время правления Императора Гуанси он был назначен гэлао внутреннего кабинета. Его положение при дворе остается незыблемым и по сей день.

При прежней династии и в гареме борьба между партиями всегда была в самом разгаре, но Се Гэлао никогда не участвовал ни в каких партиях. Он был верен королевской семье Дайон и императору того времени всю свою жизнь.

Брови Императора Гуанси хмурились все глубже и глубже, и он твердо сказал:

— Чжэнь знает это в глубине души, и мы обсудим этот вопрос позже.

Цао Жэнь хотел сказать что-то еще, но, заметив краем глаза Его Высочества Наследного Принца, отступил обратно в строй.

Шэнь Цинчжо незаметно скривил губы. Группа Наследного Принца и группа Третьего Принца официально растерзали лица в клочья. Затем две группировки нападут и подставят друг друга, за чем стоит понаблюдать.

Однако прямо сейчас у него есть более важные дела.

В Имперской тюрьме, в камере смертников.

Шэнь Цинчжо стоял в темной и вонючей камере, глядя сверху вниз на бывшего министра обрядов Лянь Чжуна, который лежал полумертвый на земле.

В то время ему было приказано тщательно расследовать дело о мошенничестве на имперских экзаменах. Почти половина чиновников Министерства обрядов была уволена, и многие служители Министерства кадров и Академии Ханьлинь также были причастны к этому. Он думал, что после такого тщательного расследования ему следовало бы полностью раскрыть эту мерзость в темноте, но он не ожидал, что все еще упустит ключевое звено - Восточный дворец.

К счастью, “подул прохладный ветерок, выпала белая роса, запели цикады, орлы принесли жертвы птицам, и казнь началась”*. Лянь Чжун был заключен в камеру смертников имперской тюрьмы после вынесения приговора, но он все еще жив и ожидает казни осенью.

*Из Книги ритуалов, Месячных предписаний

Шэнь Цинчжо приказал человеку разбудить Лянь Чжуна, а затем отпустил цзиньвэя, стоявшего рядом с ним.

— Господин... Шэнь... — Лянь Чжун слабо прислонился к стене, прерывисто спрашивая, —
Время... пришло?

Шэнь Цинчжо спокойно ответил:

— Еще не время отправляться в путь, Господин Лянь, я все еще хочу Вас кое о чем спросить.

— Кхе, кхе... — Лянь Чжун с трудом откашлялся. — Что следовало сказать... виновный министр сказал столько, сколько возможно...

— Нет, у Господина Ляня есть то, чего он не сказал. — Шэнь Цинчжо прервал его и прямо спросил, — Связано ли дело о мошенничестве на имперском экзамене с Наследным Принцем Восточного дворца?

Как только он закончил говорить, лицо Лянь Чжуна неестественно дернулось, и он тут же закрыл глаза и ответил:

— Этот провинившийся министр не понимает, о чем говорит Мой Господин...

— Господин Лянь верен своему народу и скорее умрет, чем предаст Его Высочество Наследного Принца. — Шэнь Цинчжо небрежно погладил меч Сюйчунь кончиками пальцев. — Дайте мне подумать об этом. Какие преимущества Восточный дворец обещал Господину Ляню?

Лянь Чжун по-прежнему закрывал глаза и ничего не говорил.

— Может ли это быть... — Господин Шэнь предположил, — Может быть, Восточный дворец помог семье Господина Ляня скрыться?

Лянь Чжун внезапно открыл глаза и громко произнес:

—Вы, Вы... Невозможно!

— Опасаясь, что Господин Лянь будет скучать по своему внуку, я специально приказал цзиньвэю привести его. — Шэнь Цинчжо слегка улыбнулся и дважды хлопнул в ладоши.

Кон Шан, ожидавший за дверью, получил приказ и немедленно вошел, неся на руках мальчика пяти или шести лет.

— Мой Господин.

— Уаааа! Матушка! Я хочу к матушке, уаааа...

Мальчик был слишком мал и ничего не понимал. Его насильно увел незнакомец. Он был так напуган, что всю дорогу громко плакал. Он даже не мог узнать своего дедушку, которого пытали до неузнаваемости. Он просто плакал и икал.

Лянь Чжун внезапно разволновался. Его ноги были такими слабыми, что он мог только опуститься на колени и ползти вперед.

— ХаоХао... ХаоХао...

После того, как он, наконец, подполз ближе, Кон Шан пинком отбросил мужчину обратно в угол, и из его рта вырвался слабый крик.

Шэнь Цинчжо закрыл глаза, затем снова открыл их и холодно произнес:

— Если Восточный дворец может выслать людей, то Цзиньивэй, естественно, сможет вернуть их обратно.

Лянь Чжун с трудом поднялся на ноги.

— Не трогайте, не трогайте ХаоХао...

Мальчик, казалось, узнал голос своего дедушки и закричал еще громче:

— Дедушка! Дедушка, там плохие парни! Плохие парни пытаются поймать ХаоХао, дедушка ваааву...

Шэнь Цинчжо обернулся, поднял свои белые, как лук-порей, пальцы, ущипнул покрасневшее лицо мальчика и сказал с сожалением в голосе:

— Аи, такой милый ребенок, не знаю, сколько раз его будут пырять ножом.

Сказав это, он медленно вытащил из-за пояса меч Сюйчунь, и в блестящем лезвии отразились его великолепные, но холодные глаза.

— Я скажу... Я скажу! — Лянь Чжун закричал в отчаянии и стал колотить кулаками по земле, умоляя, — Он, он всего лишь ребенок, отпустите его... Я скажу!

— Если бы Господин Лянь сотрудничал раньше, ребенку не пришлось бы так страдать.

Меч Сюйчунь снова был вложен в ножны, Шэнь Цинчжо взмахнул рукой, и Кон Цаньху немедленно вывел мальчика.

Господин Шэнь приказал цзиньивэю принести бумагу и кисти и пододвинул стул, чтобы сесть напротив Лянь Чжуна.

— Господин Лянь, пожалуйста, пишите, пока говорите. Я буду внимательно слушать.

Рука Лянь Чжуна, державшая кисть, дрожала, как решето, и он не смог написать ни слова.

— До тех пор, пока Вы четко объясните причину и следствие и раскроете настоящего тайного вдохновителя, несколько оставшихся членов семьи Лянь будут в безопасности, — Шэнь Цинчжо откинулся на спинку стула и заговорил в умеренном темпе. — С этого момента Бэйчжэнь Фуши также будет обеспечивать Господина Ляня хорошей едой и питьем, чтобы Господин Лянь мог спокойно отправиться в путь осенью.

Наконец, Лянь Чжун стиснул зубы и кончиком кисточки из волчьего волоса размазал чернильные пятна по рисовой бумаге.

Выйдя из камеры смертников, Шэнь Цинчжо почувствовал головокружение, и его тело пошатнулось.

Камера смертников была закрытой, и в ней стоял отвратительный запах. Он пробыл в камере менее получаса, и ему стало трудно дышать.

— Мой Господин, с Вами все в порядке? — Кон Шан неосознанно протянул руки, но не осмелился прикоснуться к своему господину, поэтому мог только с тревогой спросить.

— Никаких проблем. — Шэнь Цинчжо набрал в грудь побольше воздуха и приказал, — Сначала спрячь ребенка за пределами дворца и жди моих дальнейших указаний.

Кон Шан без колебаний ответил:

— Да, Мой Господин!

Шэнь Цинчжо кивнул и вышел.

Он держал в руках окровавленное признание, но не спешил на встречу с Императором Гуанси. Вместо этого он направился ко дворцу Чанлэ.

Он скучал по своему маленькому ученику, и ему нужно было взглянуть на него, чтобы убедиться, что все, что он делает, было необходимо.

Он был измотан как физически, так и морально, когда приблизился к дворцу Чанлэ. Он услышал доносящиеся из дворца жалобные вопли.

Шэнь Цинчжо замер, ему был слишком хорошо знаком этот голос.

Он немедленно ускорил шаг и толкнул полуоткрытую дверь дворца.

В огромном внутреннем дворе дворцовые слуги стояли на коленях, а Сяо Шэнь держал в руке длинный хлыст с шипами, которым хлестал молодого евнуха, который катался по земле от боли.

Молодой евнух был избит до полусмерти, и его кровь и плоть окрасили землю в красный цвет. Сцена была кровавой и жестокой.

— Сяо Ци! — Шэнь Цинчжо нахмурился и закричал. — Что ты делаешь?

Юноша, размахивавший хлыстом, был поражен. Когда он встретился с потрясенным взглядом своего учителя, он внезапно очнулся, словно ото сна. Он отбросил хлыст, который держал в руке, как будто его ударило током и как будто он держал ядовитую змею.

— Учитель... — Сяо Шэнь растерялся и отступил на несколько шагов. — Нет... Учитель, пожалуйста, выслушайте мое объяснение!

Шэнь Цинчжо был одновременно шокирован и рассержен. Он вошел в ворота дворца, даже не взглянув на него, и направился напрямик в спальню.

— Иди за мной!

Дворцовые служители, стоявшие на коленях, наконец осмелились перевести дух.

Спаситель здесь!

Сяо Шэнь быстро развернулся и последовал за своим учителем, но остановился прямо перед дверью, не решаясь переступить порог.

Шэнь Цинчжо тоже не просил его заходить. Он взял линейку со стола и вернулся к двери.

— Объясняйся!

Юноша выглядел встревоженным, как ребенок, который сделал что-то не так. От жестокости, которую он только что проявил, взмахнув хлыстом, не осталось и следа.

— Учитель, я всего лишь наказываю-

— Наказываешь? Это просто наказание в чистом виде? — Шэнь Цинчжо перебил его напрямую.
— Позволь спросить, если бы я не пришел сегодня, ты бы планировал забить этого молодого

евнуха до смерти?

Сяо Шэнь слабо защищался:

— Учитель, я... я не...

— Кто тебя научил? — Шэнь Цинчжо был так зол, что у него заболела грудь и в глазах снова потемнело. — Кто научил тебя наказывать дворцовых слуг таким жестоким способом?

В тюрьме он видел восемнадцать видов пыток, от которых люди не могли ни жить, ни умереть, и эта порка шипами была только началом. Но если бы человек, держащий кнут, был его маленьким учеником, он бы почувствовал удушье при одной мысли об этом. Не говоря уже о том, что с первого взгляда, который он только что бросил, было ясно, что его ученик собирался убить его.

— Учитель, будьте осторожны!

Сяо Шэнь быстро шагнул вперед и протянул руку, чтобы удержать пошатывающегося учителя, который вот-вот должен был упасть, но получил удар.

Шэнь Цинчжо поборол головокружение, возникшее у него перед глазами, ухватился одной рукой за дверной косяк и тихо крикнул:

— На колени!

Рука юноши застыла в воздухе, и он тут же отступил обратно к двери зала и послушно опустился на колени перед своим учителем.

Юноша был высоким и стройным, но из-за того, что ноги составляли большую часть его тела, когда он опускался на колени, он все еще был похож на пельмень, каким был несколько лет назад, его тело напоминало всего лишь маленький шарик.

Но на этот раз Шэнь Цинчжо не был мягкосердечен. Он опустил глаза и холодно сказал:

— Протяни руку.

Сяо Шэнь поджал губы, послушно вытянул руки и поднял ладони вверх.

Со звуком “фью” линейка ударила по ладони, оставив большое красное пятно.

Тело юноши слегка задрожало. Чтобы не дать своему учителю наклониться, он поднял ладони

повыше, над головой, чтобы учителю было легче ударить его.

Шэнь Цинчжо замолчал и разозлился еще больше. Он яростно хлыстнул своего маленького ученика по ладони.

— Ты знаешь, что это неправильно?

Автору есть что сказать:

Учитель: Когда я наказывал своего маленького ученика, я не смог бы вынести удара в другое место, поэтому я ударил его по ладони.

Волчонок: Учитель сильно ударил меня. На самом деле, Вы можете ударить меня и в другое место...

Маленький волчонок случайно показал свой хвост. Он послушно примет наказание от своего учителя, но не изменится. Пожалуйста, поймите...

<http://bllate.org/book/14566/1290352>